

КОНСТИТУЦИЯ КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ КОНВЕРГЕНТНОЙ ТЕХНОЛОГИИ (К 30-ЛЕТИЮ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ)

© 2023 г. Б. С. Эбзеев

Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, г. Москва

E-mail: ebzeev_bs@mail.ru

Поступила в редакцию 02.10.2023 г.

Аннотация. Настоящая статья посвящена 30-летию Конституции России. Автор, принимавший участие в Конституционном совещании и состоявший в его Комиссии по доработке проекта действующей Конституции, акцентирует внимание читателя на истории разработки проекта, а также на ее естественно- и позитивно-правовых основаниях и основном вопросе современного конституционализма — взаимодействии коллективного и индивидуального в организации общества и социальной солидарности.

По мнению автора, Конституция в самой своей сущности основывается на претерпевающем серьезные изменения естественном праве. В равной мере основанием Конституции является философский позитивизм. Синтез естественного права образует нормативное единство Конституции.

Такое единство не противопоставляет различные социальные слои общества, а создает пространство сотрудничества и солидаризации общества.

Ключевые слова: Конституция, Конституционное совещание, естественное и позитивное право, социальная солидарность.

Цитирование: Эбзеев Б. С. Конституция как юридическая модель социальной конвергентной технологии (к 30-летию Конституции России) // Государство и право. 2023. № 12. С. 21–39.

DOI: 10.31857/S102694520029288-7

CONSTITUTION AS A LEGAL MODEL OF SOCIAL CONVERGENT TECHNOLOGY (ON THE 30th ANNIVERSARY OF THE CONSTITUTION OF RUSSIA)

© 2023 B. S. Ebzeev

The Central Election Commission of the Russian Federation, Moscow

E-mail: ebzeev_bs@mail.ru

Received 02.10.2023

Abstract. This article is dedicated to the 30th anniversary of the Constitution of Russia. The author, who took part in the Constitutional Meeting and was a member of its Commission for finalizing the draft of the current Constitution, focuses the reader's attention on the history of the development of the draft, as well as on its natural and positive legal foundations of the Constitution and the main issue of modern constitutionalism — the interaction of collective and individual in the organization of society and social solidarity.

According to the author, the Constitution in its very essence is based on the natural law undergoing serious changes. Equally, the basis of the Constitution is philosophical positivism. The synthesis of natural law forms the normative unity of the Constitution.

Such unity does not oppose the various social strata of society, but creates a space for cooperation and solidarity of society.

Key words: Constitution, Constitutional Meeting, natural and positive law, social solidarity.

For citation: Ebzeev, B.S. (2023). Constitution as a legal model of social convergent technology (on the 30th anniversary of the Constitution of Russia) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 21–39.

Конституционализм является не застывшим, а развивающимся под влиянием исторической практики знанием; в идеале это такая концептуальная система, которая открыта социальному опыту соответствующего народа и отражает базовые смыслы цивилизации, в лоне которой развивался этот народ. Он определяет основы порядка, в котором протекает жизнь сообщества людей и, в свою очередь, меняется под влиянием изменения социальной среды и императивов соответствующей эпохи.

Помимо влияния на него процессов естественно-исторического развития конституционализм испытывает и сильное воздействие масштабных событий в жизни народа. Сочетая прошлое и будущее, эти события несут в себе одновременно семена разрушения и созидания и вносят свой вклад в опыт социального устройства и государственного бытия народа и его юридического оформления. Они определяют тип конституции и содержание конституционализма. Такими событиями в истории России конца XX в. явились распад Союза ССР и поражение советского социализма, которые привели к глубоким изменениям социальной среды и потребовали радикального пересмотра оснований и ценностных приоритетов конституционного правопорядка России.

Действующая Конституция России — не продолжение практики советского конституционализма, это иной тип цивилизационной модели социального порядка: эта модель предопределялась выбором в пользу частной собственности и рынка, политического плюрализма и духовно-культурной свободы. Его системообразующим ядром выступают демократия, верховенство права и права человека, на которые неизбежно влияют исторически обусловленные особенности развития стран и народов.

Становление этого порядка совпало с характерными для современного этапа цивилизационного развития преобразованиями в экономической, социальной и духовно-культурной сферах общественной жизни развитых государств. В числе этих преобразований обычно указывают на утрату собственностью критериальной фундаментальности. В результате радикально меняется социальная структура общества, классовая дифференциация уступает место профессиональной, а противоречие между трудом и капиталом, долгое время определявшее сущностную характеристику конституции, остается в прошлом.

Выбор в начале 1990-х годов Россией иного цивилизационного пути потребовал долгого переходного периода и породил новые противоречия. В их числе — противоречие между политической и экономической элитой и наемными работниками; требуют решения проблемы бедности и неравенства, социальной дифференциации. Медленно развивается становление среднего класса. Нет консенсуса между государством и гражданским обществом.

Столь же очевидно изменение институциональной организации общества, активное развитие процессов цифровизации экономики и государственной деятельности и пр.¹

Несомненное влияние на социальный порядок и его конституционное оформление оказывают процессы глобализации, сопровождающейся ожесточенной конкурентной борьбой, которая теперь приобрела военный характер. Президент РФ В.В. Путин еще в 2007 г. предупреждал об опасности навязываемой человечеству модели однополярного мира, неизбежно ведущего к разрушению международного

¹ См.: Всемирная энциклопедия. Философия / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М., Минск, 2001. С. 804 и сл.

правопорядка². Россия в очередной раз приняла на себя мужественное лидерство в противостоянии попыткам навязать странам и народам лжегуманистические образцы развития, которые на деле грубо попирают права народов и оборачиваются варварством и большей кровью.

Для многополярного мира со сложившейся архитектурой международной безопасности, основанной на суверенном равенстве государств и уважении выбора народов в его правовом развитии, характерны два взаимосвязанных встречных процесса: интернационализация внутригосударственного регулирования, особенно в гуманитарной сфере и сферах торговли, транспорта и т.д., и вполне отчетливо проявляющаяся тенденция конституционализации международных отношений.

В юриспруденции эти процессы получили название правовой конвергенции (ново-лат., от лат. *vergere* — склоняться, стремиться, т.е. стремиться к сближению³), под которой понимают реально существующие процессы взаимной адаптации компонентов внутри одной системы права и внутри нее; между правом и иными регуляторами общественных отношений (мораль, обычай); между системами права различных государств; между национальным правопорядком и международным правом⁴. Притом, однако, что за пределами внимания исследователей остаются конвергентный потенциал конституции в сфере как собственно права (конституционализация правопорядка), так и социальных отношений и преодоления характерных для такого развития дихотомий (конституционализация социального порядка). В последнем случае речь в том числе идет о моделировании конституцией нового типа социальности. Этот тип социальности базируется на преодолении крайностей индивидуализма и коллективизма, их сочетании и взаимодействии в организации и функционировании общества и отношений его сочленов, т.е. социальной солидарности — цели, ценности, принципа, политико-правового состояния и фундаментального основания эволюционного развития России.

* * *

Принято считать, что конституция — порождение Нового времени. В действительности уже древние демократии, отличавшиеся развитой политической свободой, достаточно хорошо знали и использовали институт писаных конституций. Такие конституции, начиная с VI в. до н.э., имелись в большинстве греческих республик и их колоний. Сто пятьдесят из них было собрано Аристотелем, который именно на их основе составил свой очерк сравнительной политики⁵.

Столь же широко конституция, теперь уже под собственным именем “constitution” (в пер. с лат. «устанавливаю», «учреждаю»), как юридическая форма использовалась в законодательстве Древнего Рима. Конституцией в то время именовались различные акты, издаваемые императором и закреплявшие устройство государства.

² См.: Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/24034>

³ См.: Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1910. Аналогичное объяснение значения этого слова дают современные словари.

⁴ См.: Третьякова О.Д. Конвергенция в праве: юридическая экспансия. Киров, 2011; Безбородов Ю.С. Международно-правовые методы и формы правовой конвергенции. М., 2018.

⁵ См.: Аристотель. Афинская полития / пер. и прим. С.И. Радцига. 2-е изд. М., 1937. С. 5–131.

В этом понимании смысла и назначения данного акта как способа устройства государственной бытийности народа конституция не была чужда государственному строительству многих народов; в русском языке эквивалентом этого термина изначально служило слово «порядок». Преподобный Нестор Летописец, монах Киево-Печерского монастыря, автор знаменитой «Повести временных лет», замечательно точно выразил значение этого слова, в котором выражались воля и разум, культура, осознание собственного единства, нравственных исканий накануне крещения Руси, т.е. духа народа-создателя Древнерусского государства. Энергично развивавшееся восточное славянство сознавало, что «земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет»⁶, и видело желанный «порядок» в государственном устройстве своей жизни, целями которого выступали: 1) национальное единство; 2) внутренний мир и спокойствие; 3) защита от внешних врагов; 4) наличие законов, приходящих на смену обычаям и традиции; 5) правосудие⁷. Как раз последнее должно было служить утверждению «правды», т.е. равной справедливости для всех⁸.

Конституция как одна из форм юридических актов была известна и феодальной эпохе; так именовались хартии, отражавшие компромисс между королевской властью и феодалами.

В истории России сообразно особенностям ее развития эти акты именовались уставами (княжеские уставы), наиболее известным из которых является изданный в 1016 г. Устав Ярослава Мудрого, названный Правдой Ярослава; из этих уставов к середине XII в. сложилась Русская Правда.

В правление Ивана III в 1497 г. был утвержден первый Судебник. В 1549 г. был составлен Судебник Ивана IV.

Динамично развивалось русское государственное право в эпоху Петра I. Именно в этот период в отечественный правопорядок прочно вошло слово «закон» в его юридическом (а не религиозном, как это было ранее) понимании. В правление Николая I в 1830 г. было издано Полное собрание законов Российской империи в 15 томах, которое пополнялось новыми законами и обновлялось, сохранившись до 1917 г. А понятийный аппарат государственно-правовой практики столь же последовательно пополнялся новыми терминами и понятиями: «уложение», «основной государственный устав», «основной закон».

Как писал германский политический деятель и философ Ф. Лассаль, «действительную конституцию имели все страны во все времена. Стало быть, новейшему времени исключительно свойственны не действительные, а писанные конституции или листы бумаги: чрезвычайно важно не упустить этого из виду»⁹.

⁶ Повесть временных лет / пер. с древнерус. Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. Комм. и ст. А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А.Ю. Чернова и др. СПб., 2012. С. 17.

⁷ См. подр.: Эбзеев Б.С. Государство как «образ и действительность разума», или Конституция России о гражданском мире и согласии // Государство и право. 2022. № 8. С. 7–20. DOI: 10.31857/S102694520021572-0

⁸ См.: Томсинов В.А. Термин «правда» в правовой культуре Древней Руси // Законодательство. 2017. № 2. С. 88–94.

⁹ Лассаль Ф. Соч. СПб., 1908. Т. 2. С. 17. Вполне солидарен с ним был Г.В. Плеханов, полагавший, что «нет предубеждения, ведущего к более вздорным заключениям, чем общераспространенное, господствующее мнение, будто конституция составляет исключительную особенность новейшего времени. Каждой стране необходимо иметь реальное уложение или конституцию, потому что в каждой стране непременно существует какое-либо фактическое отношение

В Новое время появились не конституции, а конституционализм как духовное направление и практика, выражающаяся в ограничении государственной власти. Доиндустриальные общества знали конституцию как основной закон государства, в котором закреплялось все его устройство, но не пределы его усмотрения во взаимоотношениях с подданными или народом в целом. Государство, развивавшееся за счет подавления интересов одних классов и социальных групп и абсолютного приоритета других, не нуждалось в писаной конституции. Обладая несоизмеримым превосходством в силе, власть не признавала даже формальных ограничений своих полномочий. «Прирожденные» неравенство и равенство в бесправии, притом что подданный, как и население в целом, — собственность государства, — именно в этом заключался смысл государственного устройства общества и природы отношений между абсолютной монархией и подданными.

В связи с этим совершенно справедлив вывод, что появление конституций в их современном понимании как основных законов связано с победой демократических революций в Западной Европе. Именно они привели к ограничению, а затем и упразднению королевской власти, учреждению парламента и провозглашению республики и установлению прав человека и гражданина. Демократия для своего утверждения использовала древнюю юридическую форму. Речь теперь шла о конституции нового типа, т.е. об акте, важнейшая качественная характеристика которого — ограничение государственной власти народным суверенитетом и правами человека и гражданина.

Первые писанные конституции нового типа появились на американском континенте. С 1639 по 1783 г. Коннектикут, Провиденс и Нью-Хейвен, Вирджиния и иные английские колонии приняли свои конституции. 1776 год был отмечен принятием Декларации независимости, в 1787 г. принята Конституция США. При этом федеральный Основной закон был утвержден штатами под тем условием, что в него в виде поправки будет включена декларация прав (первые десять поправок к Конституции США).

Спустя два года, в 1789 г., была принята французская Декларация прав человека и гражданина, а в 1791 г. — Конституция Франции, которой принадлежит слава первой конституции Старого Света.

В последующем возникновение демократических государств неизменно сопровождалось принятием конституций, в которых пришедшие к власти классы сообразно своим интересам и представлениям закрепляли основные принципы и формы устройства государства, систему государственных органов и основы их компетенции, правовое положение граждан, тем самым учреждая строй конституционного государства, ограниченного в пределах своей власти, которое приходило на смену государству абсолютному. В связи с этим В.И. Ленин имел основание утверждать, что «всякая буржуазная революция есть в конце концов процесс создания конституционного строя, и ничего более. Это истина»¹⁰.

Первые писанные конституции, если говорить в самом широком социальном плане, были призваны способствовать преодолению феодальных препон социально-историческому прогрессу. Поступь индустриализма, основанного на

свободном рынке и беспрепятственной эксплуатации капиталов, должна была быть гарантирована в своей необратимости. Но одновременно эти конституции закрепляли и такие формы организации общественной жизни, которые являлись результатом предшествующего развития человеческой цивилизации, отмеченного рабовладением и крепостничеством. Именно этот общечеловеческий опыт, обобщенный философией XVIII в. в лице своих выдающихся представителей, был «монополизирован» одержавшими победу слоями общества и интегрирован в систему организации власти и управления делами государства в виде правового государства, прав человека и независимого правосудия.

Иными словами, если под конституцией в прошлом понимали лишь устройство государства, форму организации государственной власти, то глубокие преобразования, в Западной Европе олицетворявшиеся Великой французской революцией конца XVIII в., наполнили это понятие принципиально новым содержанием. Конституция из способа закрепления строя абсолютного государства с неограниченной властью стала законом, закрепившим строй конституционного государства, власть которого ограничена суверенитетом народа и правами человека и гражданина и находится под контролем правосудия. Великая французская революция привнесла в общество конституционный строй, т.е. демократию, защищенную конституцией. При том, однако, что демократия апостолами революции понималась как образ жизни, в которой частная собственность обрела критерильную фундаментальность, которой противоречила абсолютная монархия с присущими ей сословным делением и цеховщиной.

Тщательно выстроенная модель сословной организации общества рухнула, достоинство перестало быть атрибутом только сословной верхушки, а привилегии дворянства были преобразованы в права человека независимо от занимаемого им в сословной иерархии места — свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению. Эти права служили способами и формами защиты индивидуальной автономии личности, а гарантирующий их правопорядок выступал воплощением общего блага.

Начало конституционализации организации и деятельности публичной власти в России было положено учреждением Государственной думы Манифестом императора Николая II от 6 августа 1905 г. Согласно принятому вместе с ним Закону об учреждении Государственной думы она создавалась для предварительной разработки и обсуждения законодательных предложений, «восходящих, по силе основных законов, через Государственный совет к верховной самодержавной власти». Речь не шла еще об ограничении самодержавия, Государственная дума выступала в качестве законосовещательного органа, причем между нею и государем был посредник в лице Государственного совета (1810—1917 гг.), «в коем все части управления в главных их отношениях к законодательству соотнобразуются и через него восходят к верховной императорской власти».

Но уже 17 октября 1905 г. был издан еще один царский Манифест, который содержал три главных пункта, в которых предусматривалось: 1) дарование населению незыблемых основных гражданских свобод на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов; 2) привлечение к участию в выборах в Государственную думу, не останавливая процесса выборов, по мере возможности те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив им права по вновь установленному законодательному порядку;

силы. Новейшее время характерно лишь тем, что существующие теперь отношения силы заносятся на бумагу, выражаются в писанных конституциях, между тем как прежде в этом не видели надобности» (см.: Плеханов Г.В. Соч. М., 1923—1927. Т. IV. С. 47).

¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 372.

3) установление в качестве незыблемого правила, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборные от народа обеспечивались возможностью действительного участия в надзоре за законностью действий администрации.

Тем самым Манифест впервые на правовом уровне закреплял «два важнейших атрибута российского практического конституционализма: перечень прав и свобод граждан; представительную демократию в лице Государственной думы»¹¹. Для избрания последней вводилось избирательное право, основанное на привлечении к выборам широких слоев населения, хотя и на неравных условиях. Россия медленно эволюционировала в сторону конституционной монархии.

Февральская революция 1917 г. свергла монархию. Она рухнула, как только оказалась подорвана ее основа — народная вера в патриархальную власть царя. Депутаты Государственной думы сформировали Временное правительство, которое провело политическую амнистию, взяло под защиту гражданские права и свободы. Оно упразднило наиболее одиозные институты прежней государственности, включая жандармерию, полицию, цензуру. В политической сфере демонстрировалась приверженность общедемократическим принципам, был провозглашен курс на проведение Учредительного собрания. 1 сентября 1917 г. Временное правительство провозгласило Россию республикой. Оно активно готовило конституционную реформу, которую и было призвано осуществить Учредительное собрание. Главой государства и правительства должен был стать временный президент республики с широкими полномочиями, а Учредительное собрание, замышлявшееся как конституанта, превращалось в законодательный орган.

Однако в октябре 1917 г. процесс конституционализации отечественного правопорядка по западному типу был прерван. Пришедшие ей на смену конституционная доктрина и практика советского социализма означали иной тип конституционализма. Речь шла не «просто» о значительно более широком понимании предмета конституционного регулирования, а о принципиально иной его сущностной характеристике, основывавшейся на теории классовой борьбы и проистекающих из такой борьбы социальных антагонизмов.

Манифестом нового социального строя, явившимся одновременно концентрированным выражением целей Великой российской революции, явилась принятая в январе 1918 г. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, подобно тому как манифестом Великой французской революции явилась Декларация прав человека и гражданина 1789 г. Но если смысл французской Декларации заключался в утверждении в организации общества индивидуального начала, российская Декларация знаменовала пришествие эпохи социоцентризма. Именно эта Декларация, включенная позднее в Конституцию РСФСР в качестве ее первого раздела, стала моделью коллективистской организации общества, которая с последовательностью, не терпящей никакого сопротивления и не останавливающейся перед насилием, осуществлялась одержавшей победу партией. За «трудящимися и эксплуатируемым народом» революция не видела человека в его индивидуальном бытии. При том, однако, что подобно тому, как Декларация 1789 г. не ставила под сомнение принцип общего блага,

Декларация 1918 г. провозглашала некоторые индивидуальные права.

Юридически закрепляя результаты революции и подводя определенные итоги законодательной деятельности, Декларация 1918 г. объявила Россию республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, закрепила ее федеративное национально-государственное устройство, провозгласила «суверенитет трудящегося народа и устранение от власти эксплуататоров». Самодержавие народа вылилось в диктатуру пролетариата, далекую от политической буколки, рисовавшейся в недавнем прошлом. В ст. IV Декларации подчеркивалось: «III Всероссийский съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов полагает, что теперь, в момент решительной борьбы с эксплуататорами, эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству — Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»¹². Именно Советы выступали, во всяком случае на начальном этапе советской государственности, политической формой диктатуры пролетариата.

Декларация подтвердила все ранее предпринятые меры по национализации частной собственности, декреты советской власти о рабочем контроле и Высшем Совете Народного Хозяйства, об образовании Красной армии и о разоружении имущих классов, развила внешнеполитические установки Советского государства, заложенные в Декрете о мире, и др. Одновременно она обладала определенным программным значением, ибо определяла главные задачи деятельности Советов и других государственных органов. Основной задачей советской власти — как раз в этом она видела рецепт окончательного устройства общества — было провозглашено «уничтожение эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победа социализма».

Таким образом, законодательство первых восьми месяцев существования Советской Республики конституировало сосредоточение полноты власти в руках Советов и легализовало возникновение Советского государства; юридически оформило огосударствление собственности и средств производства и слом существовавшего способа производства; декларировало суверенитет народов России и учредило федерацию; провозгласило мирное сосуществование основой внешней политики Советского государства, закрепило некоторые права и свободы, объем которых находился в прямой зависимости от классовой принадлежности человека, а сами они служили его социализации. Тем самым была подготовлена известная законодательная база для разработки первой советской конституции — Конституции

¹¹ Шульженко Ю.Л. Отечественная наука государственного права (1905 г. — октябрь 1917 г.). М., 2012. С. 19.

¹² Принятию Декларации предшествовал роспуск избранного в ноябре 1917 г. Учредительного собрания, отказавшегося обсуждать ее проект, осуществленный Декретом ВЦИК от 6 января 1918 г. «О роспуске Учредительного собрания»: «Учредительное Собрание, которое должно было явиться венцом буржуазно-парламентарной республики, не могло не встать поперек пути октябрьской революции и Советской власти. Трудящимся классам пришлось убедиться на опыте, что старый буржуазный парламентаризм пережил себя, что он совершенно несовместим с задачами осуществления социализма, что не общенациональные, а только классовые учреждения (каковы Советы) в состоянии победить сопротивление имущих классов и заложить основы социалистического общества» (см. подр.: Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997).

РСФСР, принятой V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г.¹³

В п. 9 раздела второго «Общие положения Конституции Российской Федеративной Советской Республики», с которого собственно и начинался Основной Закон, было провозглашено, что «основная задача рассчитанной на настоящий переходный период Конституции... заключается в установлении диктатуры... пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека... и водворения социализма...». Конституция легализовала доведенный до крайности этатизм, заключающийся в абсолютизации роли государства, оказывающего решающее воздействие на все сферы общественной жизни и индивидуальной бытийности человека, который в экономическом материализме получил новое звучание и дополнительное обоснование в качестве фундаментального начала устройства нового общества. Позднее он существенно корректировался, но никогда не ставился под сомнение.

Великий порыв к народной свободе сопрягался с восстановлением строя абсолютного государства. Казалось бы, чуждый провозглашенному революцией принципу свободы, он объективно ферментировался отрицающим индивидуальность человека и частные интересы коллективизмом в его самых гипертрофированных формах, охватывавших социально-политическую и духовно-культурную сферы, и государственным социализмом, покрывавшим всю экономическую сферу. Для гражданского общества места не оставалось.

Конституция своим регулятивным воздействием покрывала не только организацию государства и функционирование публичной власти, но и устанавливала основные начала социальной организации России, а также экономики и духовно-культурных отношений. Тем самым в орбиту конституционного регулирования включалась не только политическая, но и экономическая и социальная система общества и даже его нравственные основы.

Государство в правовой сфере имело право «на все». Теория классовой борьбы естественному праву в правовом порядке России места не оставила, соответственно, индивид не был гарантирован в своей автономии, напротив, его права, в том числе экономические, социальные и культурные, в конституировании которых первенство принадлежит нашей стране, служили социализации личности и выступали формой и способом его участия в осуществлении целей революции.

Эта коллективистская традиция оставалась неизменной тенденцией в конституционном развитии Советского государства и более или менее последовательно выражалась также в принятых в последующем конституциях СССР и союзных республик. Именно государство заняло доминирующее положение в механизме не только политического, но и экономического, социального и культурного преобразования общества; государство поглотило общество. Причем непосредственная включенность государства в экономику, культуру, духовную сферу общества расценивалась в качестве его

главной характеристики и закреплялась в конституционном и текущем законодательстве в качестве доминанты социального развития России.

Тем самым принцип политической централизации, привнесенный в общество ранним западноевропейским конституционализмом, отечественной конституционной практикой на советском этапе развития страны был дополнен принципом экономической централизации, а акцент на «автоматизм социальной механики», охраняемой государством, уступил свое место вере во всемогущество его социального воздействия. Соответственно, характерное для раннего западноевропейского конституционализма понимание конституции как акта, который ограничивает государственную деятельность установленными ею формами, способами и пределами вмешательства в соответствующие сферы общественных отношений, отечественной юриспруденцией было заменено пониманием конституции как акта, который санкционирует эту деятельность.

В такой концентрации власти не было политической патологии. Она вполне соответствовала отечественной исторической традиции, обусловленной обширностью территории России и относительной малочисленностью населения, в силу чего именно государство, а не рынок, выступало главным двигателем культуры и прогресса, и дала выдающиеся результаты. В равной мере она обуславливалась жесткой и безжалостной к слабому логикой истории страны, отмеченной Гражданской войной и иностранной военной интервенцией, Великой Отечественной войной и восстановлением разрушенного хозяйства, и политикой сдерживания России, одним из трагических результатов которой явился распад СССР.

Союза ССР не стало за два года до принятия действующей Конституции России. Система руководства обществом, десятилетиями занимавшаяся мобилизацией народа на достижение ставившихся ею же целей социально-экономического, политического и духовно-культурного развития, оказалась неспособной должным образом ответить на новые запросы общества и вызовы никогда не прекращавшейся глобальной конкурентной борьбы. Посеянные в обществе ожидания будущего процветания, стоило только отказаться от социализма и разрушить «империю», атмосфера государственного нигилизма, старательно насаждавшаяся неведь откуда взявшимися сладкоречивыми витиями, захватившими средства массовой информации, бесталанность собственного руководства, жадность, подлость и предательство управленческой элиты и повторяющееся из эпохи в эпоху самоотчуждение интеллигенции погубили Великое государство.

Смертный приговор Союзу ССР был вынесен принятием 12 июня 1990 г. Декларации о государственном суверенитете РСФСР. Заложённая именно в этом акте имманентная логика разрушения СССР привела лидеров России, Белоруссии и Украины к подписанию 8 декабря 1991 г. Соглашения о создании СНГ, более известного как Беловежское соглашение. Как было сказано в преамбуле этого акта, «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность продолжает свое существование».

Вместе с Союзом ССР рухнул миропорядок, сложившийся после Второй мировой войны, за который советский народ заплатил жизнями 27 млн человек. Мир, представлявший сообщество равноправных государств, превратился в иерархически выстроенное сообщество.

Россия оказалась в глубоком системном кризисе. То, что в устах политиков и работах многих людей науки

¹³ См.: Гурвич Г.С. История Советской Конституции. М., 1993; Ронин С.Л. Первая Советская Конституция (к истории разработки Конституции РСФСР 1918 г.). М., 1948; Чугаев Д.А. Первая Конституция Советского государства. М., 1949; Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 года. 2-е изд., перераб. М., 2003; Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. 2-е изд., доп. М., 1987; Портнов В.П., Славин М.М. Становление и развитие конституционного законодательства Советской России 1917–1920 гг. / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М., 1987; Пуздрач Ю.В. История российского конституционализма IX–XX веков. СПб., 2004.

представлялось верхом демократии и истинным выражением народовластия и прав человека, на деле оказалось миражом, далеким и от того и от другого. Вновь под вопрос была поставлена сама государственная бытийность России, что, в свою очередь, привело к разнузданной анархии в политической сфере, разгулу преступности и хищническому разграблению немалыми публичной собственности, созданной трудом многих поколений. От хаотического распада Россию спасла Конституция. В этом — ее великое историческое значение.

* * *

Считается, что авторами проекта действующей Конституции России являются выдающийся отечественный ученый С.С. Алексеев и в тот период кандидат юридических наук, ныне — видный государствовед профессор С.М. Шахрай¹⁴. В действительности, если говорить об авторстве в полном смысле этого слова, творцы проекта Конституции, как бы они ни были талантливы, если следовать иерархической шкале справедливости, выступали в качестве его составителей.

Авторами проектов конституций были отцы-основатели США, выработавшие Декларацию независимости 1776 г. и генетически выросшую из нее Конституцию 1787 г., деятели Великой французской революции конца XVIII в., разработавшие упоминавшуюся Декларацию прав человека и гражданина 1789 г. и Конституцию Франции 1791 г. Столь же несомненно, что авторами Конституции были В.И. Ленин, перу которого принадлежит Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, и его сподвижники, воплотившие в Конституции РСФСР 1918 г. идеалы Великой российской революции.

Именно в этих двух актах — Декларации прав человека и гражданина 1789 г. и Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа 1918 г. — были даны диаметрально противоположные ответы на основной вопрос конституционализма — о взаимоотношениях личности и общества, гражданина и государства и соотношении индивидуального интереса и общего блага. В первом случае был конституирован воинствующий индивидуализм, который воодушевлял апостолов Великой французской революции конца XVIII в., во втором — суровый, не знающий ограничений и не терпящий возражений коллективизм, представлявшийся вождям Великой российской революции идеалом организации и функционирования социума.

При этом немаловажно иметь в виду, что проекту Алексеева—Шахрая предшествовал проект Российского движения демократических реформ (РДДР) во главе с мэром Москвы Г.Х. Поповым, подготовленный С.С. Алексеевым и А.А. Собчаком в начале 1992 г. Именно в этом проекте С.С. Алексеев реализовал концепцию т.н. конституции человека, которая сводилась в конечном счете к тому, что первый раздел будущей Конституции должен был быть посвящен защите достоинства личности и т.н. фундаментальным правам человека, под которыми имелись в виду лишь права первого поколения, т.е. гражданские и политические права. Что же касается принципа социального государства и экономических, социальных и культурных прав — этого

порождения «коммуно-советской» идеологии и советской конституционной практики, — им места в «конституции человека» не было.

Этот проект не устроил президента Б.Н. Ельцина, прежде всего в части статуса главы государства и его места в системе разделения властей. Для проведения, как оказалось, губительных реформ режим нуждался в сосредоточении власти в руках главы государства, способного действовать без оглядки на парламент. Именно в связи с этим С.С. Алексееву и С.М. Шахраю было поручено подготовить новый проект Конституции, который получил название «президентского».

Как раз этим, а не идеалами «чистой науки» или мечтой о «конституции человека» было продиктовано содержание подготовленного ими проекта, вполне удовлетворившего заказчика. Проекта, соответствующего представлениям классического конституционализма прошлого, в силу этого не лишенного органических и функциональных пороков, усугубляемых переживаемой страной эпохой и поразившим Россию системным кризисом, либо личными взглядами составителей проекта и работавших вместе с ними экспертов и их односторонними политическими пристрастиями.

Источником политического вдохновения составителей проекта, многое некритично воспринявшего из проекта РДДР, послужила концепция индивидуализма, причем в его понимании основоположниками европейского либерализма XVIII в., которыми общее благо сводилось лишь к ответственности государства за должный правопорядок, т.е. правовому государству.

Сформулированный ими «идеальный» образ будущего государственно-правового устройства России не соответствовал ни опыту глубоких социальных реформ в Европе, ни ментальным ожиданиям нашего народа и его культурно-генетическому коду. Коллективизм как основа принципа общего блага был подвергнут поруганию.

Соответственно, на взгляд составителей проекта, главная цель Основного Закона, как и в эпоху Великой французской революции конца XVIII в., — гарантировать критериальную фундаментальность частной собственности и «свободный» рынок, которые якобы сами по себе обеспечат развитие культуры и прогресса общества. Спустя много лет С.С. Алексеев рассказал: «В конституционном совещании мы с Владимиром Шумейко возглавляли палату приемников. Среди членов — Хакамада, Каха Бендукидзе... Мы записали, что частная собственность есть неотъемлемое право человека, основа всех его прав и свобод»¹⁵.

Этим определялась сущность будущей Конституции и учреждаемого ею государства, свободного от социальных обязательств перед обществом и его сочленами. Тем самым огромный пласт отечественной истории, отмеченной активной и эффективной социальной деятельностью государства, предавался забвению; императивы эпохи приносились в жертву мировоззренческим представлениям составителей проекта Конституции. Как писал цитируемый автор, «президентский» проект «в противовес официальному просоветскому варианту, в апреле 1993 года в ходе референдума о доверии Президенту и в последующие годы стал своего рода идейной платформой в борьбе с коммуно-советской идеологией»¹⁶.

¹⁵ kommersant.ru / Журнал «Огонек». 2005. 30 дек.

¹⁶ Алексеев С.С. Уроки: тяжкий путь России к праву // Алексеев С.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М., 2010. Т. 4. С. 89.

¹⁴ Во многом это мнение утвердилось благодаря им самим. В действительности созданный ими проект основывался на трансплантации западного опыта конституционного строительства и многое заимствовал из других конституционных проектов, в которых не было недостатка (см.: Алексеев С.С. Избранное / вступ. сл., сост. П.В. Крашенинников. М., 2016; Шахрай С.М. Как я написал Конституцию эпохи Ельцина и Путина. М., 2021).

В действительности в официальном проекте Конституции, подготовленном Конституционной комиссией Съезда народных депутатов РСФСР, не было ничего «коммуно-советского»; таковым были объявлены социально-экономические права граждан и социальное государство¹⁷.

Главное — составители проекта Конституции проигнорировали, что историческое бытие нашего народа всегда развивалось в форме существования государства¹⁸. Вне государства как главного фактора развития экономики и культуры и обустройства социальной сферы мы рисковали стать народом без прошлого, лишенным истории и духовной связи с бесчисленными поколениями своих предков, жалким настоящим и беспросветным будущим.

В конечном счете вопрос стоял так: должно ли государство ограничиваться чисто полицейской ролью и быть безразличным к подъему экономики и ее развитию, а также коллективным интересам народа, в том числе образованию, науке, культуре, здравоохранению и пр., либо государство ответственно за развитие отечественной экономики и создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободу развития человека. В более широком контексте вопрос заключался в соотношении индивидуализма и коллективизма в природе Российского государства и его взаимоотношений с человеком. Либо личность представлена в Конституции во всем богатстве ее социальной и духовной жизни, способная освоить добро, красоту, свободу и справедливость, либо человек замкнут в круге меркантильных интересов и заботы о собственном материальном благополучии.

Попытка моделировать давно преодоленную конституционализмом социальную организацию, в которой государство будет ограничиваться чисто полицейской ролью, не увенчалась успехом. Российское государство было провозглашено социальным государством¹⁹. Оно не может быть равнодушно к экономике, образованию, науке, культуре, литературе, к охране труда и здоровья людей, поддержке семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, установлению государственных пособий и пенсий и т.д. Этим определялось исключение Комиссией по доработке проекта Конституции положения о «связанности и неприкосновенности» частной собственности,

якобы составляющей основу всех прав и свобод человека, и невозможности ее ограничения.

Это означало неприятие стремления отдать коллективизм под суд научной философии и закрыть ему дорогу в практический конституционализм, а именно в этом заключался смысл борьбы против конституционного провозглашения принципа социального государства.

Столь же остро стоял вопрос о природе российского федерализма, который теперь уже многими участниками Конституционного совещания толковался как договорный. Это означало бы, что Российская Федерация основана на договоре, а не на Конституции, что вело к крайне опасным тенденциям, способным разрушить единство и целостность Российского государства. Эти тенденции, прерванные Конституцией, отражали т.н. парад суверенитетов, под которым в тот исторический период понимали принятые большинством республик в составе России декларации о суверенитете. В проекте предлагалось установить, что Россия является «федеративным государством, объединяющим субъекты Федерации на основе Конституции и Федеративного договора как ее неотъемлемой части» (ст. 2). В дополнение к этому проектировалось наряду с гражданством Российской Федерации установить гражданство субъектов Федерации²⁰.

Конституционное совещание в своем большинстве отвергло принцип договорной федерации применительно к России; российский федерализм основывается на Конституции, а Россия — единое и в конституционно-правовом смысле неделимое государство. Ее базовым основанием является суверенитет Российской Федерации, т.е. верховенство Российского государства на своей территории и независимость во внешних сношениях. При этом «внешний» аспект суверенитета России, плохо прописанный в проекте, был явно недостаточно гарантирован.

Существенное внимание Конституционным совещанием было уделено вопросам о статусе Президента РФ, круге его полномочий и месте в системе разделения властей. Либо «федеральный Президент», представляющий лишь федеральный уровень публичной власти, ограниченный в своих полномочиях и не способный воздействовать на социальные, экономические и политические процессы в Российской Федерации или ее субъектах; либо «Президент Российской Федерации», обладающий должными прерогативами.

Совещание согласилось с концепцией «сильного Президента». Конституция установила, что Президент РФ является главой государства, и наделила его обширными полномочиями, соответствующими масштабным функциям главы государства, достаточными для обеспечения эффективного функционирования всей системы публичной власти в России. Притом, однако, что не были определены ни вектор социально-экономического, политического и культурного развития России, ни баланс исполнительной и законодательной власти.

Это лишь некоторые вопросы, которые находились в центре внимания Конституционного совещания и его Комиссии по доработке проекта Конституции. Их историческая заслуга заключалась в адаптации проекта Конституции, насколько это было возможно в тот период, к потребностям России, социокультурному опыту народа и его запросам. В связи с этим Конституционное совещание не

¹⁷ См.: Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т. / под общ. ред. О.Г. Румянцева. М., 2008.

¹⁸ См.: Савенков А.Н., Жуков В.Н. Русская идея в философии права // Государство и право. 2023. № 6. С. 8 и сл. DOI: 10.31857/S102694520026150-6

¹⁹ С.М. Шахрай рисует пасторальную картину конституализации принципа социального государства: «И еще одну позицию записали на этот лист (правда, исключительно по настоянию Сергея Сергеевича, за что я перед ним снимаю шляпу) — это формулировка: “Российская Федерация — социальное государство”. Я, нужно сказать, тогда яростно возражал Алексею, все твердил, что это не юридическая, не конституционная терминология. А он мне в ответ: Сергей, мы выходим из коммунизма, мы живем с теми людьми, которые нашу страну создавали, живут в ней. И сейчас не сказать о том, что социальный характер хотя бы как цель является ориентиром для всего государства, будет нашей с тобой огромной ошибкой» (см.: Шахрай С.М. Указ. соч. С. 78).

Но для такой картины реальных оснований нет. В понимании составителей проекта принципу социального государства не было места в демократической Конституции (см.: Конституционное совещание, 29 апр. — 10 нояб. 1993 г. Стенограммы. Материалы. Документы. М., 1996. Т. 18: 8 сент. — 21 окт. 1993 г. С. 78, 79; Хабибуллин А.Г., Халиев Ф.Х., Султанов А.Х. Особенности становления политико-правовой субъектности современной России // Государство и право. 2023. № 7. С. 58. DOI: 10.31857/S102694520026682-1).

²⁰ См.: Известия. 1993. 30 апр.

ограничилось «незначительными изменениями и дополнениями проекта, как полагает С.М. Шахрай»²¹. В него были внесены несколько новых статей, перенесена целиком из «официального» проекта глава о правах и свободах человека и гражданина и внесено множество иных изменений и дополнений²². Главное — последовательно либеральный проект приобрел социально-либеральный характер.

* * *

Мы привыкли судить о прошлом, не задумываясь о том, насколько наши сегодняшние представления соответствуют реалиям той эпохи. Много плодотворней попытаться выявить объективную логику этого прошлого и смысл принятых решений. Всенародное голосование 12 декабря 1993 г. имело судьбоносное значение в возрождении отечественной государственности. Основной Закон России 1993 г. прервал прежнюю традицию конституционной организации страны. Изменились ценностно-смысловое ядро Конституции и представляющие его универсалии. Само понятие Конституции в части, касающейся ее принципов, было наполнено новым содержанием; из способа закрепления строя абсолютного государства с неограниченной властью она стала законом, закрепившим строй демократического социального правового государства, власть которого ограничена суверенитетом народа и правами человека и гражданина. Конституция одновременно санкционировала государственную деятельность и определила ее основные направления.

На меру такого наполнения существенное влияние оказали три обстоятельства: во-первых, поражение советского социализма в соревновании с Западом, закончившееся распадом СССР, и глубокий кризис, охвативший экономику, политическую и духовно-культурную сферы, общественное сознание; во-вторых, вера составителей проекта в автоматизм «социальной механики», движущей силой которой являются свободный рынок, якобы исключающий вмешательство государства, и плюралистическая демократия, гарантирующая саморегулирование и саморазвитие общества. Соответственно, акцент на права первого поколения, т.е. гражданские и политические права, и неприятие принципа социального государства; в-третьих, скептическое отношение к государственному суверенитету и слепая вера к т.н. международным стандартам, которые якобы исключают всякую конкуренцию государств и сами по себе способны гарантировать наши национальные интересы.

²¹ Шахрай С.М. Личность и Конституция. Памяти С.С. Алексеева в канун 25-летия Основного закона. URL: <https://alrf.ru/news/k-25-letiyu-konstitutsii-rossiyskoy-federatsii/>

²² Об истории Конституционного совещания 1993 г. см.: Кикоть В.А., Страшун Б.А. О статусе Конституционного совещания // Журнал рос. права. 1988. № 12; Авакьян С.А. Конституционное право России: в 2 т. М., 2014. Т. 1; Шейнис В.Л. Взлет и падение парламента: переломные годы в российской политике (1985–1993). М., 2005. Т. 1, 2; Марино И. Президент и основной закон России. Отцы-основатели Конституции: конституционно-правовые позиции. М., 2006; Филатов С.А. По обе стороны... М., 2006; Митюков М.А. Конституционное совещание 1993 г.: рождение Конституции России: статьи, выступления, интервью, документы, дневниковые и блокнотные записи (1993–2012). М., 2014; и др.

При этом следует предостеречь от неkritичного восприятия прочитанного, памятуя о том, что участники или свидетели процесса разработки и принятия Конституции часто пытаются утвердить свою правду, а не ищут правду для всех. В связи с этим особый интерес представляют 20 томов материалов Конституционного совещания, опубликованных в 1995–1996 гг. (см.: Конституционное совещание, 29 апр. — 10 нояб. 1993 г. Стенограммы. Материалы. Документы. М., 1995–1996. Т. 1–20).

К этому надо добавить, что Конституция родилась в условиях жестокого противостояния различных политических сил, не дисциплинированных долгой и ответственной государственной работой и потому готовых к любым формам борьбы, включая гражданскую войну. Она явилась результатом ряда взаимных уступок, диктуемых переживаемой отечественной государственностью эпохой, и в силу этого не могла ответить на ряд важнейших вопросов устройства отечественного социального порядка, в том числе о гарантиях суверенитета государства и социальной ориентации его деятельности, единстве системы власти и баланса между законодателем и исполнительной властью, соотношении отечественного правопорядка с международным правом, взаимодействии органов государства и местного самоуправления, защите социокультурного кода России, выраженного в традиции нашего народа, и др. Не смогла Конституция остановить и процесс экономической и социальной деградации и сподвигнуть публичную власть к социальному служению. Для этого страна нуждалась в смене правящего слоя.

Именно происхождение Конституции говорит о неизбежных прогностических ошибках относительно будущего и столь же неизбежных в тот период отечественной истории компромиссах, особенно в части, касающейся функции социального служения государства и должных гарантий такого служения, его роли в экономическом развитии. В равной мере требовало модификации регулирования организации и деятельности публичной власти, взаимоотношений между парламентом и правительством, баланса их полномочий, обеспечение суверенитета России и прав человека. Именно в этом заключаются глубинные причины конституционной реформы 2020 года²³. Эти причины также кроются в необходимости кристаллизации долгого опыта действия Конституции, ее адаптации к современным запросам общества и способности отвечать на вызовы претерпевшей радикальные изменения архитектуры современного мира и обострившихся глобальных кризисов и проистекающей из этого необходимости обновления стратегии развития России.

В процессе конституционной реформы 2020 года, инициированной Президентом РФ В.В. Путиным, в Конституцию вошли пять новых статей, а 41 статья была изложена в новой редакции. В целом претерпели изменения около 60% статей Основного Закона. Поправка главы государства основывается на принципах конституционного строя России, но одновременно оказывает влияние на нормативное содержание этих принципов, особенно разделения властей, социального и правового государства, поскольку предусматривает существенное обновление организации публичной власти и баланс в полномочиях ее ветвей, конкретизацию содержания принципа социального государства и его современное наполнение, и ставит под контроль конституционного правосудия дополнительные сферы правовой действительности²⁴. Обновленная Конституция предусмотрела и формы разрешения неизбежных в развитии общества противоречий. Тем самым раскрывается конвергентный потенциал Основного Закона в части общественной солидаризации, особое значение для которой имеют синтез естественного права в его

²³ См.: Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 15 января 2020 г. М., 2020. С. 35 и сл. // Росс. газ. 2020. 16 янв.

²⁴ См.: Эбзеев Б.С. Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента РФ В.В. Путина и новые смыслы Основного Закона // Государство и право. 2020. № 4. С. 7–24. DOI: 10.31857/S013207690009224-8

современной интерпретации и философского позитивизма и решение вопроса о соотношении индивидуального и коллективного в организации и функционировании общества.

* * *

Конституционализм вырос из естественно-правовой теории. В процессе долгого исторического развития она обрела способность к развитию и адаптации к меняющимся условиям социального прогресса и в силу этого в обозримом будущем будет составлять основание социального порядка, соответствующего природе человека, проистекающим из его достоинства правам и свободам, и запросам общества. Именно в этом заключались смысл и значение принятой Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г. Декларации прав и свобод человека и гражданина, которой были определены вектор конституционного устройства постсоветской России и основание, на котором должны базироваться будущая Конституция и правопорядок в целом.

В связи с этим неверно по существу и бесперспективно с точки зрения адекватного осмысления природы конституционализма утверждение, что «естественно-правовая аргументация в историческом развитии постепенно утрачивает привлекательность классического варианта (уступая в этой части моральным позициям), выливаясь в иные самостоятельные теории»²⁵.

В действительности естественное право не только претендует, но реально играет первую и главенствующую роль в характеристике конституционализма. И не только потому, что «естественно-правовая концепция может быть использована при переходных состояниях общественного развития, когда рушатся стереотипы прежнего государственного строя и отсутствуют предпосылки нового»²⁶, но прежде всего потому, что естественное право интегрировано в структуру демократической конституции.

Оно предопределяло содержание уже первой на Европейском континенте Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Манифест нового мира покончил с феодальным строем с его сословными различиями и королевским абсолютизмом. Ему на смену пришли народный суверенитет, правовое государство, которое не имеет права вторгаться в сферу личной свободы, и гражданские и политические права, неотъемлемые у отдельных граждан иначе как по суду.

Эйфория, посеянная Декларацией, была недолгой. Поскольку государство, вызванное к жизни Великой французской революцией, по своей социальной организации было буржуазным, Декларацию часто стали называть «Евангелием буржуазии». Социальная практика показала, что провозглашенные в ней права в действительности не гарантируют свободу, равенство и справедливость; привилегии, вытекающие из обладания собственностью, оказались сильнее провозглашенных революцией идеалов. «Священность и неприкосновенность» частной собственности как базовой ценности и условия прогресса индустриального общества в процессе его эволюционного развития привели к обострению основного социального противоречия эпохи промышленного капитализма между трудом и капиталом, а гражданские и политические права и свободы стали, по существу, привилегией имущего меньшинства. Четвертое

сословие, составлявшее теперь большинство, требовало социальных гарантий, которые были недоступны правовому государству.

Возможно, поэтому XIX век был отмечен неприятием индивидуализма и свободы, сводившейся лишь к гарантии от вмешательства государства в определенные сферы жизни. Вместе с крушением философско-правовой системы индивидуализма на разложение была обречена и оправдывавшая ее естественно-правовая доктрина. Она утратила быллой авторитет.

В свою очередь, индивидуализм, политико-юридической рефлексией которого выступали прирожденные права человека, господствовавший в XVIII столетии и служивший обоснованию всей общественной и государственной жизни, уступил свое место коллективизму, доминировавшему первые три четверти XIX в. Место естественного права занял юридический позитивизм: право есть формальная воля государства, выраженная в издаваемых им актах.

И лишь в конце столетия в обществоведение начало приходить осознание односторонности как индивидуализма, так и коллективизма в качестве единственного и самодовлеющего начала теории и практики социального прогресса. Тем самым было положено начало эволюционному преодолению жестких дихотомий социально-политического характера, присущих европейскому прошлому. Это, в свою очередь, служило возрождению в новых исторических условиях, казалось бы, окончательно опровергнутой школы естественного права.

Возрожденное естественное право, т.е. естественное право с изменяющимся содержанием, обычно связываемое с именем немецкого юриста и философа Р. Штаммлера²⁷, отказалось от претензии на неизменность. Выдающуюся роль в таком осознании и широком распространении в национальных правопорядках и международном праве сыграл XX век, в том числе отмеченный Великой российской революцией 1917 г., Второй мировой войной и Судом над главарями фашистской Германии²⁸. Затем последовали формирование мировой системы социализма, крушение колониальной системы господства, а в конце столетия — поражение советского социализма и глубокие формационные преобразования в странах Восточной Европы, которые потребовали радикального обновления науки права.

Перед составителями проекта Конституции и участниками конституционного процесса не стоял вопрос, быть ли естественному праву основанием Конституции. Проблема была в ином: каково содержание естественного права в его освоении нашим обществом и каково должное соотношение естественного и позитивного права в отечественном правопорядке.

При этом риск оказаться в плену представлений о вневременной и вечной истине, содержащейся в философии XVII—XVIII вв., был весьма велик. Естественное право, как и прежде, выступает в качестве права, продиктованного природой человека. Но оно развивается с развитием общества. По замечанию П.И. Новгородцева, «естественное право само создается из закономерного процесса истории, развивается вместе с этим процессом...»²⁹.

²⁷ См.: Штаммлер Р. Сущность и задачи правоведения. М., 1908; Четвернин В.А. Современные концепции естественного права. М., 1988.

²⁸ См.: Савенков А.Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021.

²⁹ Новгородцев П. Право естественное // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (1890—1907); Его же. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. М., 1896.

²⁵ Лазарев В.В. Об интегративном понимании конституционализма // Журнал рос. права. 2023. Т. 27. № 5. С. 42, 43.

²⁶ Фролова Е.А. Теория естественного права (Предметный аспект) // Государство и право. 2015. № 4. С. 53.

Мы отказались от коллективизма, действительно приобретавшего в отечественной истории советского периода гиперболизированные формы. Но избранной Россией стратегии развития противоречил и грубо беспощадный индивидуализм европейского прошлого, на котором настаивали многие видные участники Конституционного совещания. Достоинство Конституции заключается в том, что она, вопреки представлениям об извечном противопоставлении личности и общества, привнесла в правопорядок освоение индивидом общества и признание обязанностей общества по отношению к своим сочленам, равно как обязанностей индивидов по отношению к обществу.

Конституция — не свод произвольно выбранных ее составителями правоположений, игнорирующих или противостоящих социальным императивам эпохи. В идеале она есть отражение опыта государственной бытийности народа, практики организации публичной власти и ее взаимоотношений с человеком и объединениями людей. Ее действительность находится в прямой зависимости от того, насколько этот акт и установленный им социальный порядок соответствуют природе человека, а также объективным закономерностям развития данного общества и его ментальным ожиданиям.

Современный российский конституционализм — не замкнутый в себе позитивный правопорядок, который всегда несовершенен и рано или поздно приходит в противоречие с социальной средой. Он основывается на надпозитивных правовых принципах, сила которых не только предполагается, но и прямо признается Конституцией. Речь идет о принципах, которые позитивированы основным правопорядком государственной и общественной жизни либо не обрели еще позитивно-правовую форму, однако в силу прямого веления Конституции являются непосредственно применимыми принципами естественного права.

Это означает, что естественное право дополняется позитивным правом и выступает источником последнего. Естественное и позитивное право в современном практическом конституционализме не противостоят друг другу, но, напротив, органично дополняют друг друга и находятся в синтетическом единстве в качестве структурных элементов конституции и доминанты ее сущностной характеристики. Замечательно точно должное соотношение естественного и позитивного права два столетия назад выразил А. С. Пушкин, казалось бы, столь далекий от юриспруденции:

*«Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье...»³⁰.*

Естественно-правовые принципы, нашедшие отражение в структуре демократического Основного Закона России, не только конститутивны, поскольку составляют фундамент Конституции и определяют его основное содержание, но имеют регулирующее значение. Несовершенство позитивного правопорядка, моделирующего экономическую, политическую, социальную или духовно-культурную организацию общества, преодолевается естественным правом. Они образуют единство содержания и формы. Этим предопределяются основные функции демократической конституции — учреждения конституционного строя, рациональной организации социального порядка, не препятствующей «освоению» конституцией новых условий

и обстоятельств исторического развития, и стабилизирующего воздействия на юридически оформленный ею социальный порядок, который в результате такого оформления приобретает значение конституционного строя, т.е. демократии, защищенной конституцией.

Конституция России в самой своей сущности основывается на естественном праве. Оно предопределяет основные принципы конституционного устройства Российского государства и общества, которые реализуются устанавливаемым Конституцией позитивно-правовым порядком либо поручаются законодателю. На ней — отчетливая печать естественного права.

Принято считать, что ядро естественного права составляют права человека, главная функция которых заключается в формулировании каталога субъективных конституционных прав, признаваемых государством и неприкосновенных для обычного законодателя. Принцип всеобщего уважения прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии, вышел за рамки национального правопорядка и стал одним из основных принципов современного международного права. Это означает, что произошла универсализация феномена прав человека.

Конституция установила, что в иерархии ценностей, которыми предопределяется деятельность государства, человек, его права и свободы занимают высшее место. Они являются непосредственно действующими.

Иными словами, естественное право не есть «просто» содержательная характеристика общественного сознания, отражающая социальные ожидания общества и формулируемая философией права. Это не «моральный» кодекс строителя демократии; естественно-правовые принципы, позитивированные демократической Конституцией, обязывают не только законодателя, но и исполнительную власть, а также правосудие. В правовом государстве, смысл которого в том числе заключается в том, что вся публичная сфера поставлена под контроль суда, не может быть отказано в защите общепризнанных прав человека на том основании, что они не воспроизведены в Конституции; напротив, Конституция России, как и конституции многих современных государств, прямо предусматривает непосредственное действие прав и свобод человека и обязывает правосудие гарантировать их в своей деятельности.

В частности, согласно ст. 55 Конституции РФ, находящейся в системном единстве с ее ст. 2, 15, 17, 18, «перечисление в Конституции России основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина». Тем самым в том числе исключается конституционный вакуум в части каталога прав человека и их защиты; одновременно устанавливается критерий преодоления пробельности законодательства либо его неопределенности в процессе правоприменения.

Одновременно Конституция обязала государство обеспечивать, во-первых, сбалансированность прав и свобод их носителей («осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц»), во-вторых, сбалансированность прав и обязанностей граждан. Это конституционное требование наряду с рядом иных ее правоположений в их комплексном осмыслении есть юридическое выражение универсального закона равновесия индивидуального и коллективного в организации и функционировании общества. Именно в таком равновесии заключается условие эволюционного развития общества в условиях гражданского мира и согласия.

³⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 1. Вольность. Ода. М., 1950. С. 44–47.

Императивом эпохи является равновесие между индивидуальным интересом и общим благом. Принцип сбалансированности прав и обязанностей гражданина есть соединение свободы личности в ее индивидуальном бытии и ее ответственности за общество. Это — юридическая форма равноправия между индивидуальным интересом и общим благом, которое требует признания, что обязанности являются столь же важным элементом механизма саморегуляции и саморазвития общества, как и права, и столь же атрибутивным качеством личности, развивающейся в обществе.

Закрепив конвергентную модель правового статуса человека и гражданина, Конституция соединила ценности либерализма, включая здоровый индивидуализм, предприимчивость и инициативу, с ценностями коллективизма, в числе которых — социальная солидарность и взаимная социальная ответственность личности и общества, а также его сочленов.

Отсюда следует еще один вывод: качественной характеристикой естественного права является принцип общего блага, носителем которого выступает государство и которому служат законопослушание, защита Отечества, налоговые и иные обязанности человека и гражданина. Демократическое правовое государство теперь дополнено принципом социального государства, соответственно, общее благо не сводится к правовому государству и судебным гарантиям правопорядка, оно дополняется социальным служением государства.

Таким образом, значение естественного права в его современной интерпретации не сводится к критерию оценки правопорядка и ориентира для законодателя. Естественное право позитивизируется Конституцией, соответственно, в конституционализме естественное и позитивное право не противостоят, но, напротив, органично дополняют друг друга и находятся в единстве в качестве структурных элементов Конституции и характеристики ее сущности³¹.

Словом, Конституция наряду с печатью естественного права несет на себе печать позитивного права. При этом оговоримся, что речь идет о философском позитивизме. Некритичный позитивизм, природу которого превосходно выразил один из персонажей А.П. Чехова («Где это в законе написано, чтобы народу волю давать?»³²), оказался не в состоянии дать ответ на вопрос об источнике легитимности установленного правопорядка, ибо для него сила закона заключена в самом законе. Философский позитивизм, обоснованный Г. Кельзеном, находит такое основание в гипотетической надпозитивной «основной норме». Мир, покой и порядок являются ценностями, которые

осуществляются позитивным правом, но не устанавливаются им, а им предполагаются³³.

Отсюда с неизбежностью следует, что философский правовой позитивизм и теория естественного права исходят из надпозитивных ценностей. Этим преодолевается долгое время казавшийся непреодолимым ров между философским позитивизмом и естественным правом в его современной интерпретации³⁴.

В связи с этим принципиальное значение имеет вопрос об объективном критерии эффективности Конституции. Вне такого критерия она остается категорией социальной философии или психологии, но не права. Для естественного права таким критерием выступает способность позитивного права обеспечить гражданский мир и согласие и таким образом свести к минимуму социальные противоречия. К такому пониманию, как было отмечено, близок и философский позитивизм, для которого легитимен не всякий правопорядок; легитимностью обладает лишь такой порядок, который обеспечивает социальный мир. Эта формула мирного порядка, предлагаемая философским позитивизмом, дважды текстуально выражена в Конституции России как общеобязательный принцип поддержания гражданского мира и согласия и функции главы государства (преамбула и ст. 80).

Три десятилетия назад российский конституционализм как теория и практика устройства социального порядка преодолел разрыв между естественным и позитивным правом, они имеют единую основу в виде философской антропологии. Действующая Конституция России в этом отношении вполне определена. Ее позитивно-правовая составляющая выражена столь же выпукло, как естественно-правовые начала. Согласно ч. 2 ст. 4 Конституция РФ и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации, а в соответствии с ч. 1, 2 ст. 15 она имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. При этом обязанность соблюдать Конституцию и федеральные законы носит универсальный характер.

Тем самым в правоприменительной практике исключается вполне допустимая и совершенно оправданная исканиями философии права дилемма: «право» или «закон». И право, и позитивирующий его закон — в этом заключается вектор современного конституционализма, чутко реагирующего на общественное мнение. Гарантией от эксцессов законодателя должно служить конституционное правосудие.

Наконец, этими положениями Конституция декларирует равную справедливость для всех и ориентирует правоприменительную практику, прежде всего судебную, на отказ от некритичного позитивизма. Не человек существует для правосудия, а правосудие для человека. Притом, однако, что «равная справедливость для всех» ограничена сферой права и вполне уживается с признанием преимуществ, связанных с обладанием собственностью; признание таких преимуществ сопровождается принципом социальной связанности собственности — «собственность обязывает». Этот принцип тесно связан с принципом социального государства и экономическими социальными и культурными правами, из которых органично проистекают особенности регулирования отношений собственности.

³³ См.: Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лезова. 2-е изд. СПб., 2015.

³⁴ См.: Фердросс А. Международное право / пер. с нем. М., 1959. С. 38–47.

³¹ В поиске методологических оснований интегративного правопонимания к такому выводу приходит В.М. Шафиров (см.: Шафиров В.М. Естественное-позитивное право: введение в теорию. Красноярск, 2004). При этом вопреки отстаиваемой им конституционной модели правопонимания, основанной на балансе индивидуального и коллективного в государственно-правовом устройстве общества и логике собственной концепции «естественно-позитивного права», отдает предпочтение персоноцентризму.

Персонализм и персоноцентризм («человекоцентризм») — разные категории. По замечанию Н.А. Бердяева, «индивидуализм есть судорога старого Адама, ветхой свободы... Свобода в индивидуализме есть свобода отъединения, отчужденная от мира». Развивая эту мысль, философ подчеркивал, что «индивидуальность и индивидуализм — противоположны. Индивидуализм — враг индивидуальности. <...> В индивидуализме свобода получает ложное направление и теряется. Индивидуальность и ее свобода утверждаются лишь в универсализме» (см.: Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: избр. труды. М., 1999. С. 72).

³² Чехов А.П. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 4. Рассказы, юморески 1885–1886. М., 1983.

Достоинство Конституции РФ, которая благодаря реформе 2020 года обрела новые смыслы, заключается в том, что она синтезировала опыт социокультурного развития России и оправданную временем мировую практику конституционализма, положив в его основу принципы, права и ценности, продиктованные естественной природой человека. Эти принципы, права и ценности позитивированы законом и защищаются правосудием. Именно этот синтез естественного права, воспринявшего принцип социального государства и экономические, социальные и культурные права, и философского позитивизма образует нормативное единство Конституции. Такое единство не противопоставляет различные социальные слои, но, напротив, объединяет членов общества в единое целое и открывает пространство сотрудничества образующих его элементов.

* * *

Юридическая мысль консервативна. Давно отвергнутые социальной практикой догмы прошлого, обретшие гранитную твердость, продолжают на нее влиять, заводя ее в тупик и дезориентируя общество. Эпоха, когда сущность конституции составляло «фактическое соотношение сил, которое существует в обществе»³⁵, либо «сущность конституции в том, что основные законы государства вообще и законы, касающиеся избирательного права в представительные учреждения, их компетенции и пр., выражают действительное соотношение сил в классовой борьбе»³⁶, осталась в прошлом вместе с основным противоречием капитализма между трудом и капиталом и соответствующей социальной структурой общества.

В советской юридической науке это выразилось в концепции общенародного государства, пришедшего на смену государству диктатуры пролетариата, в европейском конституционализме — социальном правовом государстве. Не противостояние различных слоев общества и их противоборство за политическое господство, а социальная солидарность, приходящая на смену солидарности классовой, — в этом теперь заключаются универсальная объективная составляющая демократической конституции и основное содержание ее сущностной характеристики.

Социальная солидарность (от лат. *social solidarity* — прочное общество) определяется как единство убеждений и действий, взаимная помощь и поддержка, основанные на общности и необходимости осуществления общих целей³⁷. Исключая гражданское противостояние и способствуя развитию политического процесса в конституционных формах, она способствует сплочению общества и является основой единства и целостности государства, определяет качество общественных отношений, способствует сохранению социокультурного кода народа и его исторической традиции. Исключая гражданское противостояние, социальная солидарность служит воспроизводству легитимированного конституцией социального порядка.

Эта проблема была хорошо известна социальной философии и политической практике уже в глубокой древности³⁸.

³⁵ Лассаль Ф. О сущности конституции // Лассаль Ф. Соч. Т. 2. С. 9–11.

³⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 345.

³⁷ См.: Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. В.Г. Осипова. М., 2020; Большой толковый социологический словарь (Collins) / пер. с англ. М., 1999. Т. 2.

³⁸ См.: Исаев И.А. Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние. М., 2009.

Конституционализм воспринял эту категорию сравнительно недавно.

Назначение конституции не в том, чтобы декретировать социальную солидарность, а в том, чтобы установить такой порядок, который ферментирует солидаризацию общества, а также гарантировать этот порядок от покушений на гражданский мир и согласие как основы бытия всякого сообщества. Соответственно, социальная солидарность в конституционализме выступает в качестве цели конституционного правопорядка и защищаемой им ценности, принципа конституционализма, конституционно-правового института, политико-правового состояния.

Социальная солидарность как конституционная категория не совпадает ни с этатистским коллективизмом, ни с либеральным индивидуализмом. Конституционный правопорядок призван установить баланс между индивидуальным и коллективным в их различных аспектах, включая отношения между личностью и обществом, гражданином и государством, трудом и капиталом, частным интересом и общим благом, личной свободой и ответственностью за поддержание гражданского мира и согласия.

При этом мера коллективного и индивидуального в таком балансе различна в разные эпохи и у разных народов, она определяется их историей и социокультурной традицией, исповедуемой религией, занимаемыми пространствами, климатом и пр.

Проблема солидаризации стояла уже перед ранним западным конституционализмом (Мэйфлауэрское соглашение отцов-пилигримов от 11 ноября 1620 г., отправившихся в Америку для основания колонии, часто называемую первой писаной конституцией)³⁹. Принцип «общей пользы» и «общественной безопасности» был предметом заботы и составителей Французской декларации прав человека и гражданина 1789 г. и последовавшей за ней Конституции Франции 1791 г. Такая солидаризация служила основанием и гарантией «общего блага» («общей пользы»). Притом что «общее благо» как содержательная характеристика социальной солидарности в этих актах выражалось в политическом единстве народа («суверенитет принадлежит нации», «ни одна часть народа, никакое лицо не может присвоить себе его осуществление») и правовом государстве, но не распространялось на социальный и экономический аспекты жизни общества.

Для такого распространения и признания социальной солидарности в качестве одного из базовых принципов конституционализма европейской политической и правовой мысли понадобилось более столетия. Еще больше понадобилось для освоения этого принципа общеевропейской юридической практикой, отмеченной принятием в 1961 г. Европейской социальной хартии. В 1996 г. была принята Европейская социальная хартия (пересмотренная), закрепившая ряд социальных прав человека. При этом уместно отметить, что западный конституционализм много

³⁹ «Мы, нижеподписавшиеся, подданные Его Величества, нашего суверенного государя Якова, Божьей милостью короля Великобритании и пр., предприняли во имя Бога, распространения христианской веры, ради чести нашего короля и отечества путешествие, чтобы учредить первую колонию на севере Вирджинии, и взаимно соединяемся настоящим торжественным договором перед Богом и в присутствии всех нас для доброго порядка, общего блага и преследования вышеназванных целей. В силу этого договора мы издадим, установим и учредим такие справедливые законы, такие постановления, распоряжения, конституции, такие должности, которые окажутся желательными для общего блага колонии, и обещаем всем должное послушание и подчинение» (цит. по.: Слезкин Л.Ю. Соглашение на «Мэйфлауэре» // Новая и новейшая история. 1974. № 5. С. 167–177).

воспринял из опыта советского социализма. Осуществив в 1970-е годы научно-техническую революцию, создавшую реальные предпосылки для перехода к постиндустриализму, Запад продемонстрировал возможности резкого повышения качества жизни, высокий уровень медицинского обслуживания, увеличение продолжительности жизни, рост индивидуального потребления и социальной защиты. Советский социализм таких предпосылок создать не мог⁴⁰.

Распад СССР и поражение советского социализма потребовали иной модели развития России. Доминирующей тенденцией эпохи конца 80-х — начала 90-х годов в стране выступала философия свободы, казалось бы, эклектично соединявшая в общественном сознании ценности индивидуализма и коллективизма, свободы, воспринимаемой как освобождение от государственного патернализма, и равенства и справедливости, невозможных вне государственного регулирования. «Меньше государства — больше свободы», с одной стороны, и обширные социальные ожидания — с другой, которые демократия в принципе не в состоянии удовлетворять. Конституция, разрабатывавшаяся в этих условиях, не могла не отразить в своем содержании различные течения общественной мысли, которые при всей разности их исходных посылок и конечных выводов были едины в выборе демократии. Для одних она выражалась в минимизации государства и ограничении его функций лишь поддержанием правопорядка, для других — в восстановлении функции социального служения государства как фактора благополучия народа и прогресса общества.

Несмотря на то что во взглядах многих участников Советского Союза, относящихся, казалось бы, к разным социальным и политическим течениям, доминировал примат индивидуального в конструировании будущего государства и его взаимоотношений с человеком, попытка отдать коллективизм под суд научной философии не удалась. Не удалась и попытка слепо копировать чуждую духу нашего народа и его тысячелетнему опыту государственной бытийности социальную организацию, в которой государство будет ограничиваться чисто полицейской ролью и не станет касаться ни экономики, ни образования, науки, культуры, литературы.

Возможно, именно это — преодоление противоположности между индивидуальным и коллективным и закрепление их баланса в организации взаимоотношений личности и общества — есть главное в характеристике действующего Основного Закона, делающее честь современному отечественному конституционализму.

В 1993 г. Конституция отвергла агрессивный индивидуализм, не облагороженный культурой и традицией, и не позволила принести ему в жертву великие коллективные интересы — фундаментальную науку, литературу, искусство, само Российское государство как главного движителя развития и прогресса, и гипертрофированный коллективизм. Само закрепление принципа социального государства означало установление синтетической модели организации социума и правового статуса человека и гражданина как его части; она соединила ценности свободы, включая здоровый индивидуализм, предприимчивость и инициативу, с ценностями ответственности, присущей коллективизму, в том числе взаимные обязанности личности и государства, а также сочленов общества как формы и способа выражения социальной необходимости. Именно такая социально-либеральная модель оказалась наиболее востребованной обществом.

⁴⁰ См.: *Степин В. С.* Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития. М., 2019. С. 13.

Демократическое социальное правовое государство не есть обманчивая политико-юридическая форма, явившаяся данью противоречивой эпохе конца 80-х — начала 90-х годов минувшего века. Это — отражение объективной диалектики взаимодействия личности и общества на современном этапе цивилизационного развития России и ответ на вызовы социальной практики, повелительно требующей соединения свободы личности и силы государства, которое ответственно не только за поддержание правопорядка, но и социальное благополучие народа. Тем самым был положен конец великому социальному эксперименту, начатому Революцией 1917 г., а страна возвратилась на дорогу естественно-исторического эволюционного развития.

Именно в таком синтезе отечественная социально-философская мысль на переломных этапах развития России видела основу государственно-правовой организации общества, которая существование стабильного в своих устоях и динамичного в развитии государства и прочного правопорядка могла бы соединить со свободой личности.

Тем самым было создано конституционное основание для конвергенции этих двух подходов и направлений общественной мысли и конституционной практики — индивидуализма и коллективизма, — имея в виду их сочетание и взаимодействие в организации и функционировании общества. Конституция тем самым декларировала тип социальности, сочетающий индивидуализм и коллективизм и предполагающий их баланс.

Учение о социальной солидарности обычно связывают с именами немецкого историка и социолога Г. Зиммеля, а также французских социолога Э. Дюркгейма и юриста Л. Дюги. При этом зачастую замалчивается, что эта базовая для солидаристской теории идея имеет глубокие корни в отечественной социогуманитарной науке, прежде всего философии, социологии, социальной психологии, этике, а также юриспруденции. Как писал, имея в виду данную универсалию отечественной философии права, П. И. Новгородцев, «мы знаем личность не изолированную и обособленную, а живущую в обществе, в нем совершающую свой жизненный путь, и потому неизбежным является двойное проявление личности: индивидуальное и общественное... Мы приходим к заключению, что абсолютный индивидуализм и абсолютный коллективизм должны найти сочетание в некотором общем взгляде... Личность и общество не представляют собой каких-то самодовлеющих и противостоящих друг другу субстанций; они растут из одного корня и стремятся к одному свету»⁴¹.

Спустя много десятилетий А. И. Солженицын провидчески предупреждал, что «существование общества “необузданных прав” невозможно. Устойчивость общества может быть достигнута не на равенстве сопротивлений, но на сознательном ограничении... Свобода хватать и насыщаться есть и у животных. Человеческая же свобода включает добровольное самоограничение в пользу других. Наши обязательства всегда должны превышать предоставленную нам свободу»⁴². Через несколько лет он вновь предупреждал: «Понятие “свободы”... внесено до полного забвения обязанностей человека и до свободы от всякой ответственности. А между тем мы только до той грани человеческие существа, пока... чувствуем на себе, над собою — наш долг»⁴³.

⁴¹ *Новгородцев П. И.* Об общественном идеале: сб. / составление, подгот. текста, вступ. ст. А. В. Соболева; прим. В. Сапова, Н. Плотнова. М., 1991. С. 165, 166.

⁴² *Солженицын А.* Как нам обустроить Россию? Посильные соображения // Литературная газ. 1990. № 38.

⁴³ *Солженицын А.* Россия в обвале. М., 1998. С. 47.

Солитаризм преодолевает односторонность этатизма и либерального индивидуализма, тем самым открывая возможность мобилизации на основе согласования интересов всех социальных субъектов и прогресса социума при сохранении его цивилизационной и государственной идентичности.

Вопреки распространенному мнению, социализация и индивидуализация не исключают друг друга. Напротив, в их синтезе, соединяющем справедливость и свободу в ее сопряжении с равенством, заключено будущее отечественной государственности и права. Существо современного решения проблемы может и должно заключаться в том, что оно, отрицая характерные для прошлого гипертрофированные представления об индивидуальном или коллективном начале в юридической доктрине вообще и концепции прав человека и его взаимоотношений с обществом и государством, иными формами коллективного бытия в частности и особенности, признает необходимость органичного соединения в содержании прав и обязанностей человека и личных, и коллективных начал во всем многообразии форм ассоциированного бытия людей.

Проблема заключается в адекватном правовом отражении такого равновесия во власти, суверенитете, свободе личности, организации федеративных отношений и регулирования собственности, налоговой и бюджетной системе и т.д. — непереносимом условии прочности конституционного строя и стабильности самого государства и его правовой основы⁴⁴. В противном случае солидаристская идея останется не более чем риторикой, используемой властью в качестве способа ее дополнительной легитимации или основания для требования односторонней лояльности общества и его сочленов или ее принудительного обеспечения.

Солитаризм, разумеется, не означает совпадения интересов личности и общества или иных социальных структур или слияния этих интересов в нечто единое. Общество никогда не было простой совокупностью своих членов, подобно этому общественные интересы не есть лишь сумма личных интересов. Интересы индивида и интересы коллектива, общества, государства — объективная реальность, развивающаяся по законам диалектики.

Правовым основанием социальной солидарности является Конституция и установленный ею правопорядок, закрепляющий базовые принципы демократического социального правового государства и права человека и гражданина. Ее социальным основанием является единство многонационального народа России — носителя суверенитета и единственного источника власти в стране. Солидаризации общества служит его политическая централизация нации, сопровождающаяся идеологическим многообразием и многопартийностью. Существенное значение имеет отечественная социокультурная традиция, которая важна своим этическим смыслом, из которого проистекают взаимная поддержка, сострадание и милосердие.

В контексте конституционного устройства России речь также идет о сохранении и развитии функции социального

служения государства с учетом закономерностей современного этапа цивилизационного развития общества. Мы с трудом избавились от активно эксплуатировавшегося в эпоху разработки проекта Конституции мифа о «могучей руке рынка», способной сама по себе обеспечить развитие культуры и прогресса. Из функции социального служения государства с неизбежностью вытекает его право на вмешательство в социальную и экономическую сферы, пределы которого ограничены принципами социально ориентированной рыночной экономики. Такое вмешательство и его особенности органично проистекают из социальных и экономических прав, которые часто называют правами-притязаниями.

Спустя четверть века эта функция нуждалась в уточнении и ясных ориентирах. В связи с этим включение в действующую Конституцию по инициативе Президента РФ В.В. Путина новой ст. 75¹, а также существенное обновление направлений деятельности и полномочий Правительства РФ в социально-экономической сфере (ст. 114) имеют принципиальное значение. Конституция не отказалась ни от частной собственности, ни от рынка и конкуренции, но она в явной и юридически определенной форме отказалась от либеральной разновидности рынка в пользу социально ориентированной модели экономики. Это означает существенное повышение экономической роли Российского государства как организатора социального обустройства страны, восстановления и преумножения ее экономического потенциала и осуществления модернизационных прорывов.

Как можно заметить, легитимизируемая Конституцией солидаристская модель развития России охватывает экономическую, политическую и социальную сферы общества. Субъектами социальной солидарности являются граждане и их объединения, включая профессиональные союзы, политические партии, объединения работодателей и другие структурные элементы гражданского общества, органы публичной власти. В силу объективных обстоятельств бытийности России, прежде всего обширности ее пространств и относительной малочисленности населения, именно государство, а не рынок всегда выступало главным двигателем культуры и прогресса. Этим предопределяются место и роль государства в солидаризации общества.

Именно социально ориентированное рыночное хозяйство составляет социально-экономическую основу солидаризации общества. Согласно ст. 75¹ Конституции РФ в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав обязанностей граждан, социальное партнерство, политическая и социальная солидарность. Смысл этих правоположений Конституции заключается в том числе в конституционной легитимации концепции социального рыночного хозяйства в качестве основного направления социально-экономической политики государства. В этой модели соединяются экономическая эффективность, присущая развитому рынку, с социальной справедливостью, вне которой солидаризация общества немыслима.

В экономической науке под социальной рыночной экономикой понимают экономическую систему, организованную на основе рыночной саморегуляции, при которой координация действий осуществляется на основе взаимодействия на рынках свободных частных производителей и свободных

⁴⁴ См.: Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007; Спиридонова В.И. Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли. М., 2008; Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. М., 2009; Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011; Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011; Невинский В.В. Основы конституционного строя. Обеспечение достоинства личности. Конституционные принципы публичной власти. М., 2012; Алебастрова И.А. Конституционализм как правовое основание социальной солидарности. М., 2015; Философия права. Словарь. 2-е изд., дораб. и доп. / под ред. В.Н. Жукова. М., 2021; Эбзеев Б.С. Философия российского конституционализма. Очерки. М., 2023.

индивидуальных потребителей⁴⁵. Это означает, что социально ориентированная экономика в конституционно-правовом смысле представляет собой легитимированный Конституцией социально-экономический порядок. Государство не вмешивается в рыночный процесс, оно создает рамочные правила и условия функционирования экономики.

Положения ст. 75¹ тесно взаимосвязаны с положениями ряда иных статей Конституции РФ, в том числе о принципе социального государства (ст. 7), свободе рынка и равной защите частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности (ст. 8), об обеспечении Правительством РФ единой социально ориентированной государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, а также в области охраны окружающей среды (п. «в» ч. 1 ст. 114), о защите и обеспечении устойчивости рубля (ст. 75) и др.

Конституция России привносит принцип социальной справедливости в экономическую систему, базирующуюся на частной собственности и свободном предпринимательстве. Именно рынок, облагороженный социальной справедливостью, составляет фундамент социально ориентированной экономики.

Этот порядок базируется на двух группах принципов. Одни из них образуют его каркас и имеют основополагающее значение. В силу этого их часто называют *конститутивными*: частная собственность и свобода предпринимательства; свобода рынка и открытый доступ к нему; свобода договора; конкуренция; ответственность всех участников экономической деятельности; постоянство и последовательность экономической политики государства; обеспечение стабильности рубля.

Вторая группа принципов этого порядка именуется *регулятивными*. К ним относятся: контроль над монополиями; социально справедливая политика доходов, которая может применяться для корректировки распределения общественного продукта (например, налоговая политика); экономический расчет, т.е. корректировка индивидуально-хозяйственной деятельности, если это диктуется конкретными экономическими условиями; вмешательство в случае аномального предложения, например, на рынке труда. Цель такого вмешательства — максимальное обеспечение занятости⁴⁶.

Таким образом, Конституция решает двуединую задачу: определяет пределы государственного воздействия на экономику и гарантирует основы рыночной экономики от их разрушения таким воздействием. Она указала на общие контуры экономического порядка и установила границы, за которые государство не может перейти без риска утраты своей конституционной легитимности.

В данном контексте ст. 75¹ Конституции РФ кодифицировала обязанности государства в экономической и социальной сферах и установила пределы его полномочий. Длительное понимание юридической природы правоположений, содержащихся в ст. 75¹ Основного Закона, существенное значение имеет Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. о соответствии положениям гл. 1, 2 и 9 Конституции РФ ряда положений Закона РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ. Суд указал, что

проверявшиеся им положения ст. 75¹ направлены «на достижение в государственной политике, в правовом регулировании и правоприменительной практике оптимального соотношения индивидуальной свободы и общественной солидарности». Это означает, что данные положения являются: а) конституционно законными направлениями государственной политики; б) составляют основу и критерий нормотворчества; в) могут применяться непосредственно либо совместно с иными нормами судом и иными правоприменителями. Общим критерием конституционности такой государственной политики, правового регулирования и правоприменения является оптимальное соотношение индивидуальной свободы и общественной солидарности⁴⁷. Несомненно ориентирующее значение этих положений также для граждан и их объединений, гражданского общества в целом.

* * *

Конституция выдержала испытание временем. Она учла опыт четвертьвекового развития Российского государства и общества и содержит адекватные ответы на вызовы глобализирующегося мира. Она отвечает интересам России и нашего народа. Она современна.

Вопрос в том, насколько успешно выдерживаем испытание Конституцией мы?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян С.А. Конституционное право России: в 2 т. М., 2014. Т. 1.
2. Алебастрова И.А. Конституционализм как правовое основание социальной солидарности. М., 2015.
3. Алексеев С.С. Избранное / вступ. сл., сост. П.В. Крашенинников. М., 2016.
4. Алексеев С.С. Уроки: тяжкий путь России к праву // Алексеев С.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М., 2010. Т. 4. С. 89.
5. Аристотель. Афинская полития / пер. и прим. С.И. Радцига. 2-е изд. М., 1937. С. 5–131.
6. Безбородов Ю.С. Международно-правовые методы и формы правовой конвергенции. М., 2018.
7. Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: избр. труды. М., 1999. С. 72.
8. Большой толковый социологический словарь (Collins) / пер. с англ. М., 1999. Т. 2.
9. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011.
10. Всемирная энциклопедия. Философия / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М., Минск, 2001. С. 804.
11. Гурвич Г.С. История Советской Конституции. М., 1993.
12. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011.
13. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, доку-

⁴⁵ См.: История концепции социального рыночного хозяйства в Германии / ред.-сост.: С.И. Невинский, А.Г. Худокормов. М., 2022.

⁴⁶ См.: Социальное рыночное хозяйство — основоположники и классики: сб. науч. тр. / авт. предисл. К. Кроуфорд; ред.-сост. К. Кроуфорд, С.И. Невский, Е.В. Романова и др. М., 2017.

⁴⁷ См.: Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037>

- менты (1990–1993 гг.): в 6 т. / под общ. ред. О.Г. Румянцева. М., 2008.
14. *Исаев И.А.* Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние. М., 2009.
15. История концепции социального рыночного хозяйства в Германии / ред.-сост.: С.И. Невинский, А.Г. Худокормов. М., 2022.
16. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лезова. 2-е изд. СПб., 2015.
17. *Кикоть В.А., Страшун Б.А.* О статусе Конституционного совещания // Журнал рос. права. 1988. № 12.
18. Конституционное совещание, 29 апр. – 10 нояб. 1993 г. Стенограммы. Материалы. Документы. М., 1995–1996. Т. 1–20; 1996. Т. 18: 8 сент. – 21 окт. 1993 г. С. 78, 79.
19. *Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И.* Очерк истории Советской Конституции. 2-е изд., доп. М., 1987.
20. *Лазарев В.В.* Об интегративном понимании конституционализма // Журнал рос. права. 2023. Т. 27. № 5. С. 42, 43.
21. *Лассаль Ф.* О сущности конституции // Лассаль Ф. Соч. СПб., 1908. Т. 2. С. 9–11.
22. *Лассаль Ф.* Соч. СПб., 1908. Т. 2. С. 17.
23. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 345; т. 22. С. 372.
24. *Лукашева Е.А.* Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М., 2009.
25. *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М., 2007.
26. *Марино И.* Президент и основной закон России. Отцы-основатели Конституции: конституционно-правовые позиции. М., 2006.
27. *Митюков М.А.* Конституционное совещание 1993 г.: рождение Конституции России: статьи, выступления, интервью, документы, дневниковые и блокнотные записи (1993–2012). М., 2014.
28. *Невинский В.В.* Основы конституционного строя. Обеспечение достоинства личности. Конституционные принципы публичной власти. М., 2012.
29. *Новгородцев П.* Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. М., 1896.
30. *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале: сб. / составление, подгот. текста, вступ. ст. А.В. Соболева; прим. В. Сапова, Н. Плотникова. М., 1991. С. 165, 166.
31. *Новгородцев П.* Право естественное // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (1890–1907).
32. *Плеханов Г.В.* Соч. М., 1923–1927. Т. IV. С. 47.
33. Повесть временных лет / пер. с древнерус. Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. Комм. и ст. А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А.Ю. Чернова и др. СПб., 2012. С. 17.
34. *Портнов В.П., Славин М.М.* Становление и развитие конституционного законодательства Советской России 1917–1920 гг. / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М., 1987.
35. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 15 января 2020 г. М., 2020. С. 35 // Росс. газ. 2020. 16 янв.
36. *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997.
37. *Пуздрач Ю.В.* История российского конституционализма IX–XX веков. СПб., 2004.
38. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 1. Вольность. Ода. М., 1950. С. 44–47.
39. *Ронин С.Л.* Первая Советская Конституция (к истории разработки Конституции РСФСР 1918 г.). М., 1948.
40. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. В.Г. Осипова. М., 2020.
41. *Савенков А.Н.* Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021.
42. *Савенков А.Н., Жуков В.Н.* Русская идея в философии права // Государство и право. 2023. № 6. С. 8. DOI: 10.31857/S102694520026150-6
43. *Слезкин Л.Ю.* Соглашение на «Мэйфлауэре» // Новая и новейшая история. 1974. № 5. С. 167–177.
44. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1910.
45. *Солженицын А.* Как нам обустроить Россию? Посильные соображения // Литературная газ. 1990. № 38.
46. *Солженицын А.* Россия в обвале. М., 1998. С. 47.
47. Социальное рыночное хозяйство — основоположники и классики: сб. науч. тр. / авт. предисл. К. Кроуфорд; ред.-сост. К. Кроуфорд, С.И. Невский, Е.В. Романова и др. М., 2017.
48. *Спиридонова В.И.* Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли. М., 2008.
49. *Степин В.С.* Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития. М., 2019. С. 13.
50. *Томсинов В.А.* Термин «права» в правовой культуре Древней Руси // Законодательство. 2017. № 2. С. 88–94.
51. *Третьякова О.Д.* Конвергенция в праве: юридическая экспансия. Киров, 2011.
52. *Фердросс А.* Международное право / пер. с нем. М., 1959. С. 38–47.
53. *Филатов С.А.* По обе стороны... М., 2006.
54. Философия права. Словарь. 2-е изд., дораб. и доп. / под ред. В.Н. Жукова. М., 2021.
55. *Фролова Е.А.* Теория естественного права (Предметный аспект) // Государство и право. 2015. № 4. С. 53.
56. *Хабибуллин А.Г., Халиев Ф.Х., Султанов А.Х.* Особенности становления политико-правовой субъектности современной России // Государство и право. 2023. № 7. С. 58. DOI: 10.31857/S102694520026682-1
57. *Четвернин В.А.* Современные концепции естественного права. М., 1988.
58. *Чехов А.П.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 4. Рассказы, юморески 1885–1886. М., 1983.
59. *Чистяков О.И.* Конституция РСФСР 1918 года. 2-е изд., перераб. М., 2003.
60. *Чугаев Д.А.* Первая Конституция Советского государства. М., 1949.
61. *Шафиров В.М.* Естественно-позитивное право: введение в теорию. Красноярск, 2004.
62. *Шахрай С.М.* Как я написал Конституцию эпохи Ельцина и Путина. М., 2021. С. 78.
63. *Шахрай С.М.* Личность и Конституция. Памяти С.С. Алексеева в канун 25-летия Основного закона. URL: <https://alrf.ru/news/k-25-letiyu-konstitutsii-rossiyskoy-federatsii/>
64. *Шейнис В.Л.* Взлет и падение парламента: переломные годы в российской политике (1985–1993). М., 2005. Т. 1, 2.
65. *Штаммлер Р.* Сущность и задачи правоведения. М., 1908.
66. *Шульженко Ю.Л.* Отечественная наука государственного права (1905 г. – октябрь 1917 г.). М., 2012. С. 19.
67. *Эбзеев Б.С.* Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента РФ В.В. Путина и новые смыслы Основного Закона // Государство и право. 2020. № 4. С. 7–24. DOI: 10.31857/S013207690009224-8

68. Эбзеев Б.С. Государство как «образ и действительность разума», или Конституция России о гражданском мире и согласии // Государство и право. 2022. № 8. С. 7–20. DOI: 10.31857/S102694520021572-0
69. Эбзеев Б.С. Философия российского конституционализма. Очерки. М., 2023.

REFERENCES

1. Avakyan S.A. Constitutional Law of Russia: in 2 vols. M., 2014. Vol. 1 (in Russ.).
2. Alebastrova I.A. Constitutionalism as the legal basis of social solidarity. M., 2015 (in Russ.).
3. Alekseev S.S. Selected / introduction, comp. P.V. Krashenninnikov. M., 2016 (in Russ.).
4. Alekseev S.S. Lessons: Russia's difficult path to law // Alekseev S.S. Complete Collection of works: in 10 vols. M., 2010. Vol. 4. P. 89 (in Russ.).
5. Aristotle. Athenian Politics / transl. and note by S.I. Radtsig. 2nd ed. M., 1937. P. 5–131 (in Russ.).
6. Bezborodov Yu. S. International legal methods and forms of legal convergence. M., 2018 (in Russ.).
7. Berdyaev N.A. About man, his freedom and spirituality: selected works. M., 1999. P. 72 (in Russ.).
8. The Great Explanatory Sociological Dictionary (Collins) / transl. from English. M., 1999. Vol. 2 (in Russ.).
9. Bondar N.S. Judicial constitutionalism in Russia in the light of constitutional justice. M., 2011 (in Russ.).
10. The World Encyclopedia. Philosophy / main scientific ed. and comp. A.A. Gritsanov. M., Minsk, 2001. P. 804 (in Russ.).
11. Gurvich G.S. History of the Soviet Constitution. M., 1993 (in Russ.).
12. Zorkin V.D. Constitutional and legal development of Russia. M., 2011 (in Russ.).
13. From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. Constitutional Commission: Transcripts, materials, documents (1990–1993): in 6 vols / under the general editorship of O.G. Romyantsev. M., 2008 (in Russ.).
14. Isaev I.A. Solidarity as an imaginary political and legal state. M., 2009 (in Russ.).
15. The history of the concept of social market economy in Germany / ed.-comp.: S.I. Nevinsky, A.G. Khudokormov. M., 2022 (in Russ.).
16. Kelsen G. Pure doctrine of law / transl. from German M.V. Antonov and S.V. Lezov. 2nd ed. SPb., 2015 (in Russ.).
17. Kikot V.A., Strashun B.A. On the status of the Constitutional Conference // Journal of Russ. law. 1988. No. 12 (in Russ.).
18. Constitutional Conference, April 29 – November 10, 1993. Transcripts. Materials. Documents. M., 1995–1996. Vol. 1–20; 1996. Vol. 18: 8 Sep. – 21 Oct. 1993. P. 78, 79 (in Russ.).
19. Kukushkin Yu. S., Chistyakov O.I. An essay on the history of the Soviet Constitution. 2nd ed., add. M., 1987 (in Russ.).
20. Lazarev V.V. On the integrative understanding of constitutionalism // Journal of Russ. law. 2023. Vol. 27. No. 5. P. 42, 43 (in Russ.).
21. Lassalle F. On the essence of the Constitution // Lassalle F. Essays. St. Petersburg, 1908. Vol. 2. P. 9–11 (in Russ.).
22. Lassalle F. Essays. St. Petersburg, 1908. Vol. 2. P. 17 (in Russ.).
23. Lenin V.I. The complete works. Vol. 17. P. 345; vol. 22. P. 372 (in Russ.).
24. Lukasheva E.A. Man, law, civilizations: normative and value dimension. M., 2009 (in Russ.).
25. Maltsev G.V. Social foundations of law. M., 2007 (in Russ.).
26. Marino I. President and the basic law of Russia. The Founding Fathers of the Constitution: constitutional and legal positions. M., 2006 (in Russ.).
27. Mityukov M.A. Constitutional Conference 1993: the birth of the Constitution of Russia: articles, speeches, interviews, documents, diaries and notebooks (1993–2012). M., 2014 (in Russ.).
28. Nevinsky V.V. Fundamentals of the constitutional system. Ensuring the dignity of the individual. Constitutional principles of public power. M., 2012 (in Russ.).
29. Novgorodtsev P. The historical School of Lawyers, its origin and fate. The experience of characterizing the foundations of the Savigny school in their consistent development. M., 1896 (in Russ.).
30. Novgorodtsev P.I. On the social ideal: collection / compilation, preparation text, introductory article by A.V. Sobolev; note by V. Sapov, N. Plotnikov. M., 1991. P. 165, 166 (in Russ.).
31. Novgorodtsev P. Natural law // Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron (1890–1907) (in Russ.).
32. Plekhanov G.V. Essays. M., 1923–1927. Vol. IV. P. 47 (in Russ.).
33. The tale of bygone years / transl. from Ancient Russian by D.S. Likhachev, O.V. Tvorogov. Comm. and arts A.G. Bobrov, S.L. Nikolaev, A. Yu. Chernov et al. SPb., 2012. P. 17 (in Russ.).
34. Portnov V.P., Slavin M.M. Formation and development of the constitutional legislation of Soviet Russia 1917–1920 / res. ed. B.N. Topornin. M., 1987 (in Russ.).
35. Message of the President V.V. Putin of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation on January 15, 2020. M., 2020. P. 35 // Ross. gaz. 2020. January 16 (in Russ.).
36. Protasov L.G. The All-Russian Constituent Assembly: the history of birth and death. M., 1997 (in Russ.).
37. Puzdrach Yu. V. The history of Russian constitutionalism of the IX–XX centuries. SPb., 2004 (in Russ.).
38. Pushkin A.S. The complete works: in 10 vols. Vol. 1. Liberty. Ode. M., 1950. P. 44–47 (in Russ.).
39. Ronin S.L. The first Soviet Constitution (on the history of the development of the Constitution of the RSFSR 1918). M., 1948 (in Russ.).
40. Russian Sociological Encyclopedia / under the general editorship of V.G. Osipov. M., 2020 (in Russ.).
41. Savenkov A.N. Nuremberg: Verdict for name of Peace. M., 2021 (in Russ.).
42. Savenkov A.N., Zhukov V.N. The Russian idea in the Philosophy of Law // State and Law. 2023. No. 6. P. 8. DOI: 10.31857/S102694520026150-6 (in Russ.).
43. Slezkin L. Yu. The Agreement on the Mayflower // New and modern history. 1974. No. 5. P. 167–177 (in Russ.).
44. Dictionary of foreign words that became part of the Russian language. St. Petersburg, 1910 (in Russ.).
45. Solzhenitsyn A. How can we equip Russia? Feasible considerations // Literaturnaya gazeta. 1990. No. 38 (in Russ.).
46. Solzhenitsyn A. Russia in the collapse. M., 1998. P. 47 (in Russ.).
47. Social market economy – founders and classics: collection of scientific works / author's preface K. Crawford; ed.-comp. K. Crawford, S.I. Nevsky, E.V. Romanova et al. M., 2017 (in Russ.).
48. Spiridonova V.I. The evolution of the idea of the state in Western and Russian socio-philosophical thought. M., 2008 (in Russ.).
49. Stepin V.S. Modern civilizational crises and the problem of new development strategies. M., 2019. P. 13 (in Russ.).
50. Tomsinov V.A. The term “truth” in the legal culture of Ancient Russia // Legislation. 2017. No. 2. P. 88–94 (in Russ.).

51. *Tretyakova O.D.* Convergence in law: legal expansion. Kirov, 2011 (in Russ.).
52. *Ferdross A.* International Law / transl. from German. M., 1959. P. 38–47 (in Russ.).
53. *Filatov S.A.* On both sides... M., 2006 (in Russ.).
54. Philosophy of Law. Dictionary. 2nd ed., rev. and add. / ed. by V.N. Zhukov. M., 2021 (in Russ.).
55. *Frolova E.A.* Theory of natural law (Subject aspect) // State and Law. 2015. No. 4. P. 53 (in Russ.).
56. *Khabibullin A.G., Khaliev F.H., Sultanov A.H.* Features of the formation of political and legal subjectivity in modern Russia // State and Law. 2023. No. 7. P. 58. DOI: 10.31857/S102694520026682-1 (in Russ.).
57. *Chetvernin V.A.* Modern concepts of natural law. M., 1988 (in Russ.).
58. *Chekhov A.P.* Complete collection of works: in 30 vols. Vol. 4. Stories, humoresques 1885–1886. M., 1983 (in Russ.).
59. *Chistyakov O.I.* The Constitution of the RSFSR of 1918. 2nd ed., rev. M., 2003 (in Russ.).
60. *Chugaev D.A.* The First Constitution of the Soviet state. M., 1949 (in Russ.).
61. *Shafirov V.M.* Natural-positive law: an introduction to theory. Krasnoyarsk, 2004 (in Russ.).
62. *Shakhrai S.M.* How I wrote the Constitution of the Yeltsin and Putin era. M., 2021. P. 78 (in Russ.).
63. *Shakhrai S.M.* Personality and Constitution. In memory of S.S. Alekseev on the eve of the 25th anniversary of the Basic Law. URL: <https://alrf.ru/news/k-25-letiyu-konstitutsii-rossiyskoy-federatsii/> (in Russ.).
64. *Sheinis V.L.* The rise and fall of parliament: the turning years in Russian politics (1985–1993). M., 2005. Vol. 1, 2. (in Russ.).
65. *Shtamm R.* The essence and tasks of jurisprudence. M., 1908 (in Russ.).
66. *Shulzhenko Yu. L.* Domestic science of state law (1905 – October 1917). M., 2012. P. 19 (in Russ.).
67. *Ebzeev B.S.* Actualization of the Constitution of Russia: the collective image of amendments by the President of the Russian Federation V.V. Putin and new meanings of the Basic Law // State and Law. 2020. No. 4. P. 7–24. DOI: 10.31857/S013207690009224-8 (in Russ.).
68. *Ebzeev B.S.* The state as “the image and reality of reason”, or the Constitution of Russia on civil peace and harmony // State and Law. 2022. No. 8. P. 7–20. DOI: 10.31857/S102694520021572-0 (in Russ.).
69. *Ebzeev B.S.* Philosophy of Russian Constitutionalism. Essays. M., 2023 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЭБЗЕЕВ Борис Сафарович —
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
член Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации; 109012 г. Москва,
Б. Черкасский пер., д. 9

Authors' information

EBZEEV Boris S. —
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of Science of the
Russian Federation, Honored
Lawyer of the Russian Federation;
Member of the Central Election Commission
of the Russian Federation; 9 B. Cherkassky Lane,
109012 Moscow, Russia